

DOI: 10.31857/S032103910004321-6

К ВОПРОСУ О ШУМЕРСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЯХ В АККАДСКОМ

Часть II

Р. М. Нуруллин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: rmnurullin@hse.ru

Статья продолжает исследование, посвященное шумерским заимствованиям в аккадском. В данной части работы обсуждаются следующие вопросы: шумерские заимствования в аккадском как источник по реконструкции шумерской фонологии и хронологическая стратификация шумерских заимствований в аккадском.

Ключевые слова: шумерский язык, аккадский язык, лексические заимствования

ON SUMERIAN LOANWORDS IN AKKADIAN

Part II

Rim M. Nurullin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

E-mail: rmnurullin@hse.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research.
Projects Nos. 16-06-00371; 17-04-00514

Данные об авторе. Рим Маратович Нуруллин – старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Часть I см. *ВДИ*. 2018. 78/4. С. 831–846. Автор благодарен Л.Е. Когану и Н.В. Козловой, которые ознакомились с рукописью настоящей статьи и высказали множество ценных замечаний. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 16-06-00371 и 17-04-00514).

В настоящей статье аккадский текст дается курсивом, шумерский – полужирным начертанием; при этом, следуя грамматике Б. Ягерсмы, для знаков, употребленных с фонетическим (слоговым) значением, мы дополнительно используем курсив, см. Jagersma 2010, 12, 27–29. Названия клинописных знаков даются заглавными буквами. Аккадские лексемы приводятся без мимазии.

The paper continues the previous research by the author aiming to summarize the current knowledge about Sumerian loanwords in Akkadian. It discusses Sumerian loanwords in Akkadian as a source for reconstructing Sumerian phonology and the chronological stratification of Sumerian loanwords in Akkadian.

Keywords: Sumerian language, Akkadian language, loanwords

Н иже рассматриваются основные положения реконструкции раннешумерской фонологии, предложенной в грамматике Б. Ягерсмы (Jagersma 2010, 31–57). Для удобства читателя мы воспроизводим здесь приведенный в конце первой части статьи список фонем, постулируемых Ягерсмой для шумерского языка старошумерской и саргоновской эпох (XXIV–XXII вв¹).

Согласные

	Шумные					Сонорные
	Смычные		Аффрикаты		Щелевые	
	Глухие	Глухие Придых.	Глухие	Глухие Придых.		
Губные	b [p]	p [p ^h]				m [m]
Зубные	d [t]	t [t ^h]				r [r], n [n]
Свистящие			z [ts]	ř [ts ^h]	s [s]	
Шипящие					š [ʃ]	
Боковые						l [l]
Палатальные						– [j] (?)
Заднеязычные	g [k]	k [k ^h]				ḡ [ŋ]
Увулярные					ħ [x]	
Ларингальные	– [ʔ] (?)				– [h]	

Гласные

	Задние	Передние
Нижние	a, ā	e, ē
Верхние	u, ū	i, ī

Смычные. В противоположность аккадскому языку, где смычные согласные (исключая лабиальный ряд) образуют триады звонкий-глухой-«эмпатический» (глоттализированный)², в шумерском наблюдается бинарная оппозиция. Природа этой оппозиции остается неизвестной. Уверенно можно утверждать лишь то, что шумерские смычные не были противопоставлены по признаку звонкости–глухости. Судить об этом позволяет тот факт, что в ранних шумеризмах в аккадском как шумерские «звонкие» (/b/, /d/, /g/), так и шумерские «глухие» (/p/, /t/, /k/) равно передаются посредством

¹ Все даты в статье – до нашей эры.

² См. Kogan 2011, 60–61.

аккадских глухих³. В свою очередь, в аккадизмах в шумерском шумерские «звонкие» соответствуют звонким, глухим и эмфатическим аккадского языка⁴. Также важно упомянуть, что в текстах III тыс. аккадские согласные из одной триады смычных, как правило, единообразно записывались посредством слоговых знаков, передающих шумерские «звонкие» фонемы соответствующего ряда⁵. Объяснение этому следует искать в том, что в клинописи, исходно приспособленной для нужд шумерского языка, не было средств выразить присущую аккадскому языку тройственную оппозицию смычных. Шумерские «звонкие» смычные, таким образом, были выбраны как наиболее близкие по звучанию аккадским смычным. Очевидно, аккадцы воспринимали шумерские фонемы /b/, /g/, /d/ как глухие смычные своего языка, из чего можно заключить, что шум. /b/, /g/, /d/ в действительности произносились как [p], [k], [t]. В то же время шумерские «глухие» /p/, /k/, /t/ не находили никакого соответствия среди фонем аккадского языка. Их фонетическая реализация остается неясной. Сегодня широко принята восходящая к И. Гельбу точка зрения, согласно которой шумерские смычные были противопоставлены по признаку придыхательности—непридыхательности⁶. Однако эта гипотеза до сих пор не была сколько-нибудь основательно аргументирована. Вполне вероятно, что природа фонетического противопоставления между двумя рядами шумерских смычных была иной⁷.

Аффрикаты. В ранних шумеризмах в аккадском шум. /z/ отражается как акк. /s/⁸. С другой стороны, в аккадизмах в шумерском шумерская фонема /z/ может восходить к аккадским фонемам /z/, /s/ и /š/⁹. В аккадских текстах III тыс., а также в староассирийском диалекте и в южной разновидности старовавилонского аккадского эти три фонемы единообразно записывались слоговыми знаками, исконно предназначавшимися для передачи шум. /z/. По всей видимости, акк. фонема /s/ воспринималась как наиболее близкая по звучанию к шум. /z/. В то же время тот факт, что акк. /z/, /s/ и /š/ записывались серией знаков для шум. /z/, позволяет предположить, что все три аккадские фонемы имели произношение, отчасти сходное с шум. /z/. Согласно общепринятой в современной семитологии аффрикативной гипотезе, на ранних этапах истории аккадского языка /z/, /s/ и /š/ произносились как аффрикаты [dz], [ts] и [tsʔ]¹⁰. Вероятно, аффрикатное произношение следует предполагать и для шум. /z/ ([ts])¹¹.

³ См., например, **e₂-gal** ‘дворец’ > *ēkallu* (SLOB No. 163); **kar** ‘пристань’ > *kāru* (SLOB No. 377). Далее см. Jagersma 2010, 35, 37.

⁴ См., например, *nāqīdu* ‘пастух’ > **na-gada**; *mātu* ‘страна’ > **ma-da**. Далее см. Jagersma 2010, 35, 37.

⁵ Так, например, знак BA (шум. /ba/) передавал акк. /ba/ и /pa/, знак DA (шум. /da/) — акк. /da/, /ta/ и /ʔa/, знак GA (шум. /ga/) — акк. /ga/, /ka/ и /qa/.

⁶ Gelb 1961, 32–33, см. также Jagersma 2010, 35–36.

⁷ См. Kaneva, Koslova, Vizirova 2010, 41.

⁸ См., например, **a-zu/azu**(NINDA₂×NUN) ‘врач’ > *asû* (SLOB No. 195). Далее см. Jagersma 2010, 41–42.

⁹ См., например, *pessû* (< *passuḫu) ‘хромой’ > **ba-za** (см. также Jagersma 2010, 42); *parsu* ‘ритуал’ > **ḡarza**; *zīriqu* (иригационное сооружение) > **zī-ri₂-gum₂**.

¹⁰ См. Kogan 2009, 27; 2011, 66–67; Kogan, Loesov 2009, 124.

¹¹ Подробнее см. Jagersma 2010, 41–43.

В поздней лексической традиции в случае с некоторыми шумерскими лексемами мы находим /s/ на месте /z/ в старовавилонских списках. Это явление до сих пор не было должным образом описано¹². Возможно, мы имеем дело с изменениями, произошедшими внутри поздней (ученой) произносительной традиции. Практическое следствие этого явления состоит в том, что некоторые общепринятые чтения шумерских лексем, попавшие

¹² Из 35 выявленных нами шумерских лексем, которые, согласно ниппурскому списку Proto-Ea (далее – PEa), содержат фонему /z/ и чтение которых сохранилось также и в канонических списках I тыс. (Ea/Aa), 15 демонстрируют замену /z/ (PEa) > /s/ (Ea/Aa): **zu-uš** KU (PEa 12) // **su-uš** (Ea I 140) (фонетический (диалектный?) вариант глагола **tuš** ‘сидеть’); **zu-ug** SUG (PEa 41) // **su-ug** (Ea I 61) (**sug** ‘заросли тростника’); **zu-ru** LAL (PEa 75) // **su-ur** (Ea I 246) (**sur**₅ ‘подвешивать’, об этом глаголе см. Steinkeller 1990); **za-a** AN (PEa 136) // **sa-a** (Ea II 274) (**sa**₈, значение неясно; согласно списку Ea, речь идет об одном из слоговых чтений (*ša tēlti*) знака AN; см. также старовавилонский список YBC 5026, в котором **za-a** AN приравнивается к имени бога неба (*a-nu-um*), см. MSL 14, 142:15); **zi-i** SUM (PEa 274) // **si-i** (Ea IV 125) (**si**₃ ‘выравнивать’, ‘сметать’, ‘уничтожать’); **zu-um** SU₆ (PEa 319) // **su-un** (Ea III 76) (**sun**/**m**₄ ‘борода’); **za-ag** KAL (PEa 341) // [s]i-ig (Ea IV 314) (**sag**₈/**sig**₁₅, орфографический вариант слова **sag**₁₀/**sig**₅ ‘хороший’; ср. Powell 1994, 104–106); **zu-ur** SUR₃ (PEa 369, MS Bb) // **su-ur** (Ea V 93, см. также Civil 2010, 4:45) (**sur**₃ ‘канава’, ‘котлован’); **ze-e** SIG₇ (PEa 413) // **si-i** (Aa V/3 177) (**si**₁₂ ‘желтый’, ‘зеленый’; см. также слоговые написания, приведенные в Civil 1976, 183–184); **zu-ku-um** NUMUN₂ (PEa 456) // **su-ku** (MSL 14, 324:43, комментарий к Aa III/1) (**zukum** ‘топать’); **za-ag** PA (PEa 490, MS Bb, ср. **sa-ag** в MS Ig) // [s]i-ig (Ea I 298) (**sag**₃/**sig**₃ ‘бить’); **za-a** SA₆ (PEa 515, MSS CkLf, ср. **sa**₆-a в MSS BbIh) // **sa-a** (Ea I 222) (**sa**₆ ‘быть хорошим’, подробнее о фонетическом облике этого слова см. ниже, прим. 13); **zi-iš-ku-ur** SISKUR.SISKUR (PEa 704) // **si-is-kur** SISKUR (Ea VIII 20) (**siskur**₍₂₎ ‘жертвоприношение’, ‘молитва’); **mu-z[u-ub]** MUNSUB (PEa 808) // **mun-su-ub** MUNSUB₂ (Ea I 220, MS A, ср. **mu-un-zu-ub** в MS B) (**munsub** ‘волосы’); **ki-zi** KIŠ₈ (PEa 835) // **ki-[s]i-im** (Ea IV 61) (**kisim**₄ (вид насекомого), акк. *šihu*). В 18 случаях эта замена не происходит: **za-ar** ZAR (PEa 48) // **za-ar** (Ea I 81) (**zar** ‘сноп’); **za-al** NI (PEa 92) // **za-al** (Ea II 15) (**zal** ‘проходить’ (о времени), ‘таять’, ‘растворяться’); **zi-iz** BAD (PEa 104) // **zi-iz** (Ea II 75) (**ziz** ‘моль’); **zu-u₂** ZU (PEa 147) // **zu-u₂** (Ea II 305) (**zu** ‘знать’); **za-la-ag** UD (PEa 153) // **za-la-ag** (Aa III/3 57) (**zalog** ‘быть чистым, светлым’); **za-a** ZA (PEa 167) // **za-a** (Ea I 20) (**za** ‘драгоценный камень’, ‘бусина’; ср., однако, отождествление шум. **za** = *amēlu* ‘человек’ в списке Ea); **zi-ib** GUD (PEa 278) // **zi-ib** (Ea IV 133) (**zib**₃, значение неясно; согласно списку Ea, знак GUD следует читать как **zib**₃ в составе имени божества ^d**ur-zib**₃); **zi-i** ZI₂ (PEa 287) // **zi₂-i** (Ea IV 168) (**zi**₂ ‘желчный пузырь’); **ab-zu** ZU.AB (PEa 291) // **ab-zu** (Ea IV 173) (**abzu** ‘подземные воды’); **zi-il** NUN (PEa 392) // **zi-il** (Ea V 131) (**zil** ‘раскалывать’, ‘отделять’); **zi-i** ZI (PEa 452) // **zi-i** (Aa III/1 71) (**zi** ‘жизнь’); **za-ḥa-an** U.GA (PEa 482) // **za-ḥa-an** (MSL 14, 369:6’, Ea, редакция из Ашшура) (**zahān** (название блюда), см. Civil 1983, 238, 240); **zu-bu-ud** ZUBUD (PEa 534) // **zu-bu-ud** (Ea IV 115) (**zubud** (вид рыбы?)); **za-an-da-ra** ŠID (PEa 554) // **za-ad-ru** (Ea VII iii 2’, ср. также вариант **za-ad-ra** в Civil 2010, 10:139) (**zandara/zadru** (гончарное изделие)); **zu-lu-ug** LUL (PEa 582) // **zu-lu-ug** (Ea VII iv 32’ = Civil 2010, 13:245) (**zulug**, значение неясно; см. аккадское соответствие *šakānu ša diqāri* «ставить (о сосуде d.)» в Ea); **a-zu** AZU (PEa 612) // **a-zu** (Ea VII 22, см. Civil 2010, 8) (**azu** ‘врач’); **i-zi** NE (PEa 616) // **i-zi** (Ea VII 38, см. Civil 2010, 9) (**izi** ‘огонь’); **zu-ur₂** ZUR (PEa 702) // **zu-ur** (Ea VIII 16) (**zur** ‘заботиться’). Наконец, в случае с двумя примерами мы наблюдаем замену /z/ (Proto-Ea) > /š/ (Ea/Aa): **i-zi-ib** ME (PEa 72, ср. также **zi-ib** в MSL 14, 112, No. 3 i 2 (Ур) и **i-si-ib** в MSL 14, 128, No. 10 i 21 (Сиппар)) // **i-ši-ib** (Ea I 239) (**išib** (тип жреца) > акк. *išippu*); **zu-ḥu-ub** MUL (PEa 140) // **šu-ḥ[u]-ub** ŠU₂.MUL (Ea II 280) (**šuhub**₍₂₎ ‘обод колеса’ (вид обуви) > акк. *š/suhuppu, š/suhuppātu*).

в современную ассириологию из списков I тыс., скрывают фонему /z/ под видом /s/¹³.

Фонема, традиционно обозначаемая как /ř/, была утрачена шумерским языком к началу эпохи III династии Ура (XXI в.). Она перешла в /r/ в южном диалекте шумерского языка и в /d/ в северном. По причине того, что эта фонема никак не отражена в дошедших до нас лексических списках, до сих пор удалось выявить лишь незначительное число лексем, содержащих /ř/¹⁴. Как показал Ягерсма, фонема /ř/ была близка по произношению к шум. /z/. В пользу этого свидетельствует тот факт, что, как и шум. /z/, /ř/ передается в ранних шумеризмах в аккадском посредством акк. /s/¹⁵. Эти две фонемы могли быть противопоставлены по тому же признаку, что и шумерские смычные. Соответственно, Ягерсма трактует /ř/ как придыхательную аффрикату [ts^h]¹⁶.

Шелевые. По всей видимости, шумерская фонема /s/ во все периоды истории шумерского языка произносилась как [s]¹⁷. Соответствие шум. /s/ ~ акк. /š/, типичное для ранних заимствований из одного языка в другой¹⁸, объясняется фонетическим сдвигом, произошедшим внутри аккадского языка¹⁹.

Определить фонетический облик шум. /š/ представляется затруднительным. Традиционная интерпретация этой фонемы как [ʃ] обусловлена прежде всего тем, что в шумеризмах в аккадском шум. /š/ регулярно отражается как акк. /š/²⁰. Кроме того, шумерская и аккадская фонемы записываются одной и той же серией слоговых знаков (серия Š). Известно, однако, что в аккадских текстах саргоновского периода (XXIII–XXII вв.) серия Š передавала фонему /t/ [θ] (к концу саргоновского периода эта фонема совпала с акк. /š/). В более ранних текстах, происходящих из Эблы (XXIV в.), серия Š также служила для передачи раннеакк. фонемы /d/ [ð], впоследствии совпавшей с акк. /z/. Акк. /š/ (< раннеакк. /t/ и /š/) закрепляется за

¹³ Ярким примером служит шум. *sa*₆ ‘быть хорошим’. Принятое сегодня чтение восходит к лексическим спискам I тыс. (см. прежде всего *sa-a* в Ea I 222, см. *MSL* 14, 188). В Proto-Ea 515 (*MSL* 14, 52) для этой лексемы предлагается чтение *za-a*. Кроме того, в Proto-Ea знак SA₆ нередко используется как силлабограмма, передающая слог /za/. Судить об этом позволяет тот факт, что в колонке, содержащей слоговые чтения шумерских лексем, знак SA₆ употребляется с тем же фонетическим значением, что и знак ZA (так, некоторые манускрипты дают для знака SA₆ в стк. 515 чтение *sa*₆-*a*). Сходным образом, SA₆ является омофоном знака ZA также и в ряде аккадских текстов (см. Streck 2006, 226).

¹⁴ Для передачи этой фонемы использовался знак DU, имеющий фонетические чтения *řa*₂ и *ře*₆ (см. Bauer 1975).

¹⁵ См., например, шум. *šuku*(ř) ‘поле в ленном владении’ > акк. *šukūsu* (*SLOB* No. 647). См. далее примеры в Jagersma 2010, 43.

¹⁶ См. Jagersma 2005; 2010, 43–45.

¹⁷ См. Jagersma 2010, 45–46; Sallaberger 2011, 345–346.

¹⁸ См., например, *si-im-da* ‘метка’ < *šimtu*; *tupšarru* ‘писец’ < *dub-sar* (*SLOB* No. 146). Подробнее см. Jagersma 2010, 46.

¹⁹ По всей видимости, на ранних этапах истории аккадского языка аккадская фонема /š/ произносилась как [s] (см. Kogan 2011, 69–70, 85–89); ее переход в [ʃ] относится к рубежу III–II тыс.

²⁰ См. примеры, приведенные в Jagersma 2010, 47.

серией Š только с началом старовавилонского периода²¹. Таким образом, в III тыс. аккадцы воспринимали шум. фонему /š/ как близкую по звучанию межзубным согласным своего языка. Соответствие шум. /š/ ~ раннеакк. /t/ можно также проиллюстрировать на материале ранних заимствований из аккадского в шумерский. См. **šum₂** ‘чеснок’ < *šūmū* (< **tūm-*)²²; **ša-na-bi** ‘две трети’ < *šinipu* (< *tinā-pī)²³. Продемонстрировать это соответствие на материале ранних заимствований из шумерского в аккадский не удастся. Причина этого кроется в том, что подавляющее большинство шумеризмов впервые засвидетельствованы только со старовавилонского периода (XX–XVII вв.). Как было отмечено выше, к этому времени раннеакк. /t/ и /š/ сливаются в одну фонему (/š/), которая записывается знаками серии Š. Соответственно, когда аккадской фонеме /š/ в шумеризме соответствует шум. /š/ в этимоне (например, акк. *šukūsu* ‘поле в ленном владении’ < шум. **šuku**(ř); судя по соответствию шум. /ř/ ~ акк. /s/, акк. *šukūsu* должно было быть заимствовано до эпохи III династии Ура), остается неясным, происходит ли акк. /š/ из раннеакк. /t/ или из /š/ (иными словами, мы не знаем, произносилось ли это слово в ранних формах аккадского языка как [sukūt^hu] или же как [θukūt^hu]). До эпохи III династии Ура (XXI в.) аккадские фонемы /t/ и /š/ передавались разными сериями знаков: фонема /t/ записывалась посредством серии Š (см. выше), в то время как для фонемы /š/, которая в этот период, по-видимому, произносилась как [s] (см. прим. 19), использовалась серия S. Таким образом, наглядно проиллюстрировать соответствие шум. /š/ ~ раннеакк. /t/ можно было бы только на примере шумеризмов в аккадских текстах, составленных до периода III династии Ура. Однако от этой ранней эпохи нам известно лишь крайне незначительное число заимствований из шумерского, записанных слоговыми знаками. Дополнительная трудность состоит в том, что уже в аккадских текстах саргоновского периода нередко наблюдается смешение знаков серии Š и S, отражающее процесс слияния фонем /t/ и /š/²⁴.

²¹ См. Kogan 2011, 85–87.

²² См. Kogan 2012, 248–251.

²³ Ср. Powell 1973, 105, 109–110. Шум. **ša-na-bi** известно уже по текстам раннединастического и староаккадского периодов (см., например, Westenholtz 1975, 127 ii 3).

²⁴ См. Kogan 2011, 86–87. Ниже мы приводим известные нам ранние шумеризмы в аккадском, чей этимон содержит шум. /š/ (большая часть примеров носит спорный характер): *a-ša-ri₂-id* (Frauke 1993, 51:14, акк. *ašaridu* ‘лидер’, ср. шум. **ašarid**(IGI.DU), см. *SLOB* No. 73; вопреки Либерману, направление заимствования остается неясным); ^{kuš}*Da-Ba-si-num* (Gelb 1955, 7:14, *dabašinnu* (изделие из кожи) < **dabašin**(KU₇), см. *SLOB* No. 120); *sa-ki-ru-u* (*MDP* 14, No. 8:9, 11, предположительно, это слово тождественно акк. *šakirū* (название растения) < **šakira**, см. *SLOB* No. 620); *Da-as-Ga-ri-ni* (*MAD* 5, 8:21, *taskarinnu* ‘самшит’ < **dašgarin**(TUG₂), см. *SLOB* No. 672). Отдельно следует упомянуть акк. *itinnu* ‘строитель’ < шум. **šidim** (DIM₂), см. *SLOB* No. 632 (возможно, шумерское слово следует понимать как сочетание **šeg₁₂/sig₄** ‘кирпич’ и **dim₂** ‘делать’, см. Rubio 1999, 4). В одном тексте саргоновской эпохи это слово записано как *i-ti-num* (Gelb 1955, 40:16). Знак I в староаккадских текстах, как правило, передает слог /ji/ (в Эбле также /ħi/, см. ниже). Таким образом, в III тыс. аккадское слово, вероятно, имело облик /jitinnu/. Соответствие шум. /š/ ~ раннеакк. /j/ (> акк. Ø) предположительно следует объяснять палатализацией шум. /š/ в позиции перед гласным /i/. См. Jagersma 2010, 47, где приводятся примеры неорфографической записи последовательности **maš₂** ‘козел’ + падежный показатель /-e/: **maš₂-i-e** и **maš₂-e₃** (в III тыс. знак E₃ мог использоваться для

Из системных соображений можно предположить, что шум. /s/ и /š/ были противопоставлены по тому же признаку, что и два ряда шумерских смычных.

В лексических списках спорадически наблюдается чередование /š/ ~ /s/. В большинстве таких случаев шум. /š/ в старовавилонских списках соответствует шум. /s/ в более поздних источниках²⁵. Это явление до сих пор не получило объяснения и остается практически неопианным.

Наличие в ранних формах шумерского языка некоего гуттурального согласного, условно обозначаемого как /h/, признается сегодня многими исследователями²⁶. Эта фонема была утрачена шумерским языком к началу III династии Ура. Выявить ее оказывается возможным благодаря нескольким шумеризмам и географическим названиям шумерского происхождения в ряде западносемитских языков. Кроме того, утверждать о существовании в шумерском языке фонемы /h/ можно на основании анализа орфографии аккадских текстов III тыс. Важнейшим свидетельством в пользу существования в шумерском языке отдельной фонемы /h/ является заимствованное в ряд семитских языков из шумерского слово со значением «дворец», «храм». См. прежде всего угар. *hkl* 'дворец' (*DUL* 330); евр. *hēkāl* 'дворец', 'храм' (*HALOT* 244–245); сир. *hajklō* 'дворец', 'святилище' (*LSyr.* 174). Кроме того, шумерское слово было заимствовано в хурритский язык в виде

передачи слога /je/). Эти два написания подтверждают, что перед гласным переднего ряда шум. фонема /š/ могла подвергаться палатализации. В связи со староаккадским написанием *i-ti-num* необходимо отметить, что в списке знаков из Эблы знаку DIM₂ дается название E₂-*Ti-num*₂ (Archi 1987, 97:94). В текстах из Эблы знак E₂ может использоваться для передачи слогов /ha/ и /ħa/ (см. ниже). Таким образом, на основании этого названия шумерское слово может быть реконструировано как /hadim/n/. Остается, однако, неясным, как эта реконструкция согласуется с раннеакк. /jitinum/, а также с чтением шумерского слова как *šidim* в позднейшей лексической традиции. Как отмечает Кетман, шумерское слово могло быть переосмыслено писцом из Эблы как состоящее из лексем *e*₂ 'дом' и *dim*₂ 'делать' (Keetman 2006, 23).

²⁵ См., в частности, *šu-um* SUM (PEa 275) // *su-um* (Ea IV 127, MS A; ср., *šu-um* в MS D) (*šum*₂ 'давать'); *še-eg* SIG₄ (PEa 62) // *si-ig* (Aa V/1 98) (*šeg*₁₂/*sig*₄ 'кирпич').

²⁶ См., в частности, Edzard 2003a, 19–20; Jagersma 2010, 48–49, ср., однако, Keetman 2006. Вопреки Эдзарду, знак U₂ не используется в текстах из Угарита для передачи слога /hu/ (см. Soldt 1991, 332, п. 160). Следовательно, нет оснований полагать, что шум. слово *u*₂ 'трава' имело в анлауте фонему /h/. Не вполне очевидно также, что евр. *hiddāqāl* (название Тигра) восходит к шум. *Idigna* (прямо или через посредство акк. *Idiqlat*). Нельзя исключать, что этот гидроним был независимо заимствован в названные выше языки из некоего третьего языка. Важно отметить, что в списке знаков из Эблы знаку IDIGNA дается название *i*₃-*di*₃-*gi-ra-um* (Archi 1987, 94:34). Первый слог шумерского слова передается здесь посредством знака NI (*i*₃), который в текстах из Эблы, как правило, используется для записи слога /²i/ (см., например, Krebernik 1982, 198). Если бы шумерское название Тигра имело в анлауте фонему /h/, ожидалась бы запись со знаком I (см. ниже, прим. 31). Как отмечает Кетман (Keetman 2006, 13), название реки Тигр в шумерском языке может быть иноязычного происхождения. Ср., однако, работу Keetman 2016, в которой тот же автор предлагает для шум. *Idigna* внутреннюю этимологию *id*₂ + /igira/ «река-цапля» (впрочем, Кетман допускает, что речь может идти о народной этимологии: *ibid.*, 9).

haigalli (см. Richter 2012, 117–118)²⁷. Шумерский этимон представляет собой составное слово **e₂-gal**, букв. «большой дом» (**e₂** ‘дом’ + **gal** ‘большой’). На основании приведенных выше западносемитских лексем можно заключить, что шумерское слово **e₂** ‘дом’ изначально имело в анлауте некий гуттуральный согласный, которому в семитских языках в наибольшей степени соответствовала фонема /h/ (глухой глоттальный щелевой)²⁸. Примечательным образом этот вывод подтверждается тем, что логограмма, которой записывается шум. **e₂** ‘дом’ (знак E₂), в аккадских текстах III тыс. используется как силлабограмма, передающая слоги /ha/ и /ħa/²⁹. В раннеаккадском силлабрии известны также другие знаки, передающие слоги, начинающиеся с /h/, /ħ/, а также с /j/. См. прежде всего U₉ (засвидетельствованы чтения /hu/, ħu/, /ju/) ³⁰, I (засвидетельствованы чтения /ħi/, /ji/) ³¹, EN (за-

²⁷ Вероятно, шумерское слово попало в хурритский и западносемитские языки через посредство аккадского. Речь должна идти о раннем заимствовании, так как фонема /h/ была утрачена аккадским языком к концу III тыс. (см. Kogan 2015, 355). Менее вероятной представляется точка зрения О. Вестенхольца (Westenholz 2002, 40, п. 9), согласно которой шум. **e₂-gal** ‘дворец’ могло быть заимствовано в западносемитские языки непосредственно из шумерского в эпоху «экспансии Урука» (вторая половина IV тыс.). Следует также упомянуть недавнюю гипотезу Г. Рубио, которая состоит в том, что шумерское слово **e₂-gal** было заимствовано в западносемитские языки через хурритский язык (Rubio 2017, 294–295).

²⁸ См. также финикийское слово *hbrk* (*DNWSI* 269), которое, по мнению ряда ученых, восходит к акк. *abarakku* «мажордом» (см., в частности, Krebernik 1984). Аккадское слово, по-видимому, было заимствовано из шум. **aġrig** (см. *SLOB* No. 46; < раннешум. */aġari/ag/?). В пользу того, что аккадское слово (и, как следствие, его шумерский этимон) имело в анлауте фонему /h/, свидетельствует его слоговая запись в двуязычном лексическом списке из Эблы (*MEE* 4, 279:706): **aġrig** = E₂-ba-ru₁₂-gu₂ (так в одном из манускриптов, ср. вариант E₂-ga-ra-gu₂-um в двух других манускриптах); см. также форму ж.р. в стк. 707: **aġrig-munus** = [E₂]-ba-ru₁₂-[ga]-tum (вар. E₂-ga-ra-ga-tum). Знак E₂ в текстах из Эблы мог использоваться для передачи слогов /ha/ и /ħa/ (см. ниже). В подтверждение аккадского происхождения финик. *hbrk* можно указать на тот факт, что, как продемонстрировано в неопубликованном докладе Р. Goedegebuure “*hbrk b^l or tiwadamis zidis, the Steward of the King in Luwian and Phoenician Society*” (2009; текст доклада доступен в сети: https://www.academia.edu/1698162/hbrk_bl_or_tiwadamis_zidis_the_steward_of_the_king_in_Luwian_and_Phoenician_society), лувийское соответствие этого слова в двуязычной надписи из Каратепе (*tiwadamis zidis*), по-видимому, обозначает одну из высших государственных должностей (управляющий царским дворцом, мажордом), т.е. семантически эквивалентно предполагаемому аккадскому этимону финикийского слова (следует отметить, что на материале самих финикийских текстов точно определить значение *hbrk* не удастся; в надписи из Каратепе это слово встречается в сочетании *hbrk b^l* «h. бога Ваала»). См., однако, критическую оценку этого сближения в работе Butts 2013.

²⁹ См. Krebernik 1982, 186; Conti 1990, 49; Hasselbach 2005, 79–81; Westenholz 1978, 168.

³⁰ См. Krebernik 1982, 186; Conti 1990, 59. К староаккадскому периоду знак U₉ перестает употребляться как силлабограмма, на смену ему приходит знак U, для которого засвидетельствованы чтения /ħu/, /ju/ (см. Hasselbach 2005, 81, 88). Следует признать, что чтение /ħu/ знака U основано всего на одном примере: *li-ip-te-u-ma* (/lipteħūma/(?), акк. *petū* ‘открывать’ < *p-t-ħ) «пусть они откроют» (Kienast, Volk 1995, 163, Di 8:13). По мнению Н. Каувенберга, это написание можно также интерпретировать как /lipte^yū/ (Kouwenberg 2010, 575). Важно, однако, отметить, что фонетическое значение /ħu/ засвидетельствовано у знака U также в раннеаккадских текстах из Мари (см. Westenholz 1978, 168; Kouwenberg 2010, 575–576).

³¹ См. Krebernik 1982, 191; Conti 1990, 53; Hasselbach 2005, 87; Westenholz 1978, 168.

свидетельствованы чтения /he/i(n)/, /ḥe/i(n)/, /ji(n)/³². Существенно, что некоторые из этих знаков используются для слоговой записи шумерских слов в текстах из Эблы³³, см., в частности, шум. *inim* ‘слово’ (по всей видимости, в старовавилонский период произносилось как /enem/), для которого в текстах из Эблы засвидетельствована слоговая передача *en-nam*³⁴ и *i-nam*³⁵ (= /henam/?). Отдельного внимания заслуживает шумерское числительное *u* ‘десять’. В текстах из Эблы известны два примера слоговой записи этого слова: *u₉*³⁶ и *u₉-wa-mu*³⁷. Эти написания позволяют реконструировать изначальную форму числительного как /hu/³⁸. Такая реконструкция хорошо согласуется с тем фактом, что в саргонскую эпоху знак U регулярно используется для передачи слога /ju/ (засвидетельствовано также чтение /ḥu/, см. выше, прим. 30).

³² Conti 1990, 51; Edzard 2003b, 177–178; Meyer-Laurin 2011, 216.

³³ См. список примеров в Keetman 2006, 22–23.

³⁴ *ARET* 5, 24, rev. i 1.

³⁵ *MEE* 4, 222:215, mss c, i.

³⁶ *MEE* 3, 252, No. 63 iii 3 (см. также Civil 1982, 4:15).

³⁷ *MEE* 3, 212, No. 54 ii 4.

³⁸ Написание *u₉-wa-mu* следует понимать как сочетание основы /hu/ и энклитической формы глагола-связки /am/ (см. Edzard 2005, 103; Jagersma 2010, 243). В соответствие с распространенной в текстах из Эблы орфографической нормой, состоящей в том, что закрытый слог может записываться последовательностью знаков структуры согласный-гласный (CV–CV = /CVC/; см. Krebernik 1982, 224–226; 1985, 55), знак MU передает здесь не слог /mu/, а только конечный согласный словоформы (*u₉-wa-m(u)* /hu-am/). Как справедливо замечает Ягерсма, употребление в составе этого написания знака PI (*wa*) не дает оснований для реконструкции /haw/, предложенной Эдзардом (по всей видимости, звук /w/ никогда не входил в инвентарь фонем шумерского языка). Скорее, речь идет об отражении на письме призвучка (глайда), возникающего между гласными /u/ и /a/ ([hu^wam]). Ср. слоговую запись *nu-Du-Gu₂-wi-in* (*ARET* 5, 43, Nr. 24 ii, сткк. h–i; префикс отрицания /nu-/ + глагольная основа *tuku* ‘иметь’ + суффикс 2 л. ед. ч. /-en/). В свете реконструкции шумерского числительного «десять» как /hu/ особый интерес приобретает чтение *ḥu-u* (*ḥu₃*), которое предлагается для этого слова в каноническом Aa (см. *MSL* 14, 281:37). Это чтение встречается в Aa наряду с *u₂* (*u*), *a* (*a₆*) и *ḥa-a* (*ḥa₃*) (*MSL* 14, 280:1; 281:36, 38; в соответствующем месте списка Ea чтение *ḥu₃* пропущено, см. *MSL* 14, 253:147–149, чтения *u*, *a₆*, *ḥa₃*). Чтения *a₆* и *ḥa₃*, вероятно, восходят к сочетанию /(*ḥ*)u-a(m)/ (основа лексемы + глагол-связка /-a(m)/) и могут быть объяснены стяжением гласных (ср. Civil 1973, 31). Таким образом, список Aa (I тыс.) свидетельствует о существовании двух вариантов интересующей нас лексемы: /ḥu/ и /u/ (необходимо отметить, что в Proto-Ea мы находим лишь чтение *u*, см. *MSL* 14, 36:112). Вариант /ḥu/ трудно не сопоставлять с реконструированной выше формой /hu/. С большой долей осторожности мы предполагаем, что лексическая традиция, корни которой уходят к началу II тыс., в данном случае отражает вариант из некоего диалекта шумерского языка, в котором фонема /h/ сохранялась вплоть до раннестаровавилонского периода (ср. Civil 1973, 31; 1982, 6). Отметим, что в старовавилонский период серия знаков H могла употребляться для передачи фонем /h/ и /ḥ/ в аморейских личных именах (см. Streck 2000, 240–246). Следует, наконец, упомянуть, что, согласно списку Proto-Ea, шум. *u* ‘десять’ произносилось как /o/ (для передачи фонетического облика этого слова в списке употреблена силлабограмма *u₄/o/*). Кроме того, в ряде старовавилонских списков из Ниппура знак U (наряду с U₄ и, возможно, U₃) используется с фонетическим значением /o/ в колонках, содержащих слоговую запись шумерских и аккадских лексем (см. Lieberman 1979; Westenholz 1991). Примечательным образом, такое употребление знака U известно также по некоторым хурритским текстам, относящимся ко второй половине II тыс. (см., например, Wegner 2007, 44).

Палатальный полугласный. Фонематический статус /j/ сомнителен³⁹. Тот факт, что носители аккадского языка использовали одни и те же знаки для передачи /h/, /ħ/ и /j/ (см. выше), скорее говорит о том, что в шумерском этим звукам аккадского языка соответствовала только одна фонема (ср. выше про использование серии Z для передачи акк. /z/, /s/, /š/, серии D для акк. /d/, /t/, /ṭ/ и т.д.)⁴⁰.

Заднеязычный сонорный. Большинство исследователей интерпретируют шумерскую фонему, традиционно обозначаемую как /ġ/, как заднеязычный сонорный [ŋ]⁴¹. В пользу такой трактовки свидетельствует прежде всего отражение этой фонемы в шумерских заимствованиях в аккадском. Как правило, шум. /ġ/ в начальной позиции соответствует акк. /g/ (реже /k/)⁴²; в позиции между гласными шум. /ġ/ отражается в аккадском как /g/⁴³; в ауслауте шум. /ġ/ обычно соответствует акк. /n/⁴⁴. Ср., кроме того, передачу шум. /ġġ/ как акк. /ng/ в *šangû* ‘управляющий’, < **saġġa** (SLOB No. 571). Существуют, однако, свидетельства в пользу лабиализованного произношения шум. /ġ/⁴⁵. Так, некоторые из слоговых знаков, передающих шум. /ġ/, также передают шум. /m/ (MU = **mu** и **ġu**₁₀, MI = **mi** и **ġi**₆). В текстах из Фары (ок. XXV в.) знак GA₂ (= **ġa**₂) также используется для записи слога /ba/ (**ba**₄). Кроме того, в социолекте **eme-sal** (так наз. «женский язык») начальному /ġ/ в обычной форме шумерского языка соответствует /m/; напротив, конечному /m/ в обычном шумерском соответствует /ġ/ в **eme-sal**⁴⁶. В пользу огубленного произношения шум. /ġ/ свидетельствует также фонетическое соответствие акк. /m/ ~ шум. /ġ/ и акк. /p/ ~ шум. /ġ/ в следующих двух заимствованиях из аккадского языка в шумерский: **ġalga** ‘разум’, ‘совет’ < *mi/alku*⁴⁷; **ġarza** ‘ритуал’ < *paršu*⁴⁸. Наконец, в двух ранних заимствованиях из шумерского в аккадский

³⁹ Ср. точку зрения Креберника: “The semi-vowel y in Sumerian was most probably of a secondary nature, either as part of a genuine diphthong (uncertain) or as a reduced form of i, or as a hiatus-replacement”; см. Kogan, Krebernik (forthcoming), section 3.1.

⁴⁰ Многие исследователи предполагают наличие фонемы /j/ в ранней форме шумерского слова **e**₂ ‘дом’ (< */haj/). В основе этой реконструкции лежит уже упоминавшийся выше шумеризм *hajkal-* ‘дворец’, ‘храм’ (< **e**₂-**gal**, букв. «большой дом») в западносемитских языках (см., в частности, Jagersma 2010, 48). См., кроме того, акк. *ajjaku*, название храма Ана и Инанны в Уруке, восходящее к шум. **e**₂-**an-na** букв. «дом (бога) Ана» (< */haj-an-ak/), см. Cavigneaux 1998; Beaulieu 2002; Jagersma 2010, 48.

⁴¹ См., в частности, Jagersma 2010, 51 (“a voiced velar nasal”). Ср., однако, Edzard 2003a, 17 (“a palatal nasal”).

⁴² См., например, *gišrinnu* ‘веса’ < **ġeš-eren**₂ (SLOB No. 293); *kiškattû* ‘горн’, ‘оружейник’ < **ġeš-kiġ**₂-**ti** (SLOB No. 295).

⁴³ См., например, *gabagallu* (часть колесницы) < **gaba-ġal**₂ (SLOB No. 199); *magarrû* ‘провизия’ < **ma**₂-**a-ġar-ra** (SLOB No. 455); *šigāru* ‘засов’ < **si-ġar** (SLOB No. 596).

⁴⁴ См., например, *uršānu* ‘воин’, ‘герой’ < **ur-saġ** (SLOB No. 692). Ср., однако, *b/pa-laggu* (музыкальный инструмент) < **balag** (SLOB No. 81).

⁴⁵ См. Schretter 1990, 43–49; Kogan, Krebernik (forthcoming), section 3.1.

⁴⁶ См. Schretter 1990, 43–49.

⁴⁷ Форма *milku* представляет вавилонский диалект аккадского языка, форма *mal-ku* – ассирийский.

⁴⁸ Чтения **ġalga** и **ġarza** опираются главным образом на данные лексических списков. Важно отметить, что в III тыс. известны слоговые написания, свидетельствующие о произношении этих слов с начальным /m/ (**ma-al-ga**, **mar-za**, см. подробнее Krecher

наблюдается соответствие шум. /ġ/ ~ акк. /b/: *bukānu* ‘пест’ < *ġeš-gan*⁴⁹; *abarakku* «мажордом» < *aġrig* (< */aġari/ag/?)⁵⁰. С осторожностью можно предположить, что лабиализованное произношение было присуще шум. /ġ/ на ранних этапах истории шумерского языка, в то время как к концу III тыс. эта фонема стала реализовываться как заднеязычный сонорный.

Гортанный взрыв. Вопреки Ягерсме, фонематический статус гортанной смычки в шумерском языке остается недоказанным⁵¹.

Гласные фонемы. Наиболее экономной и непротиворечивой представляется нам традиционная реконструкция, в рамках которой для шумерского языка III тыс. постулируется система из четырех гласных фонем: /a/, /e/, /i/, /u/⁵². Эта реконструкция хорошо согласуется с данными клинописного силлабария, в котором для большинства согласных фонем выделяются

1978, 24–25). Предположительно, формы с /m/- и формы с /ġ/- представляют разные диалекты шумерского языка.

⁴⁹ См. Jagersma 2010, 9. Ср. скептическое отношение к этому сближению в Edzard 1970, 21. Первый слог аккадского слова, вероятно, отражает диалектную форму /ġu(š)/ шумерского слова *ġeš* ‘дерево’. Ср. /mu/ ‘дерево’ в социолекте *eme-sal* (см. Schretter 1990, 217). Ср. акк. *mukānu* (часть ткацкого станка), которое, по-видимому, было заимствовано непосредственно из *eme-sal* (ср. *ġeš-ge-na* в обычной форме шумерского языка, см. Jagersma 2010, 8–9). Ср. также *kušabku* (вар. *kušābu*) (вид дерева) < *ġeš-a-ab-ba*, букв. «дерево моря» (слоговая запись аккадского слова известна только по поздним лексическим спискам).

⁵⁰ См. слововую запись аккадского слова в двуязычном лексическом списке из Эблы (*MEE* 4 279:706): *aġrig* = E₂-*ba-ru*₁₂-*gu*₂ (так в одном из манускриптов, ср. вариант E₂-*ga-ra-gu*₂-*um* в двух других манускриптах); см. также форму ж.р. в стк. 707: *aġrig-munus* = [E₂]-*ba-ru*₁₂-[*ga*]-*tum* (вар. E₂-*ga-ra-ga-tum*). О фонеме /h/ в анлауте ранней формы этого слова см. выше, прим. 28. По мнению Креберника, варианты /*habarukku*/ и /*haGarakkum*/ (а также /*habarukkatum*/ и /*haGarakkatum*/) в разных манускриптах этого списка свидетельствуют в пользу того, что как аккадская, так и шумерская лексемы восходят к слову из некоего третьего языка, содержавшему лабиовелярную фонему (Krebernik 1984, 91). Соответственно, некоторые из эблаитских писцов пытались передать эту фонему посредством акк. /b/, в то время как другие предпочли использовать знак серии G (*ga*). На наш взгляд, возможно и другое объяснение: форма /*habarukku*/ (ж.р. /*habarukkatum*/) может представлять собой форму аккадского слова в диалекте, который использовался для перевода шумерских вхождений в лексических списках из Эблы (из шумерской диалектной формы /*haġarug*/?). Важно отметить, что, по крайней мере в случае с некоторыми глоссами, этот диалект, возможно, не был тождествен разговорному языку города Эблы (ср. Catagnoti 2012, 1–3), и слово /*habarukku*/, таким образом, могло быть плохо известно эблаитским писцам. Форму /*haGarakkum*/ (ж.р. /*haGarakkatum*/) можно объяснить как искусственный вариант аккадской лексемы, образованный под влиянием шумерского слова, которое могло приобрести в шумерском языке форму /*haġarag*/ (в результате гармонии гласных) уже после того, как оно было заимствовано в аккадский. Знак серии G мог быть выбран писцами как более точно отражающий произношение шумерской фонемы /ġ/ (ср. *umbisaġ* [ʷb¹]-*bi*₂-*sa-ga*-[im] в списке знаков из Эблы, Archi 1987, 93:16).

⁵¹ См. Kaneva, Koslova, Vizirova 2010, 45.

⁵² Этой реконструкции придерживается большинство современных грамматических описаний шумерского языка (см., например, Jagersma 2010, 55; Kaneva, Koslova, Vizirova 2010, 38). Альтернативные реконструкции шумерского вокализма, предполагающие большее количество гласных фонем, не представляются сколько-нибудь убедительными. Критический обзор см. Kaneva, Koslova, Vizirova 2010, 39; Jagersma 2010, 59–60.

четыре ряда знаков структуры CV. См., например, серии знаков *ma*, *mu*, *me*, *mi*; *ba*, *bu*, *be₂*, *bi₂*; см. также вокалическую серию знаков *a*, *u₃*, *e*, *i₃*⁵³.

В III тыс. шум. /e/ и акк. /e/ имели разное произношение. Судить об этом можно на основании того, что в ранних шумеризмах в аккадском шум. /e/ отражается как акк. /i/⁵⁴, см., например, *ikkaru* ‘пахарь’ < *engar* (*SLOB* No. 360)⁵⁵. В то же время в заимствованиях из аккадского в шумерский акк. /e/ передается посредством шум. /e/ (следует признать, что известные нам примеры касаются только аккадского долгого гласного /ē/), см. шум. /gēn/ ‘быть прочным’ < *kēn* ‘он прочен’ (статив 3 л.м.р. от *kānu*)⁵⁶; *be₆-lu₅-da* ‘обычай’, ‘обряд’⁵⁷. В поздних заимствованиях из шумерского в аккадский (конец III тыс.) наблюдается соответствие шум. /e/ ~ акк. /e/. Так, шум. *be₆-lu₅-da* было заимствовано обратно в аккадский в виде *belludû* ‘обряд’⁵⁸.

В работах последних лет убедительно показано, что шумерскому языку было присуще противопоставление гласных по долготе⁵⁹. Эта гипотеза основана прежде всего на анализе шумерских заимствований в аккадском языке. См., например, следующую пару слов: *sagallu* ‘сухожилие’ (?) (< *sa-gal*)⁶⁰; *paḥāru* ‘гончар’ (< *baḥar*)⁶¹. В первом случае второй слог аккадского слова содержит краткий гласный, очевидно, восходящий к краткому гласному шумерского этимона (шум. *gal* /gāl/ ‘большой’)⁶². На краткость гласного в аккадском слове указывает удвоение следующего за ним согласного /l/, которое, по всей видимости, вызвано потребностью сохранить слоговую структуру слова-источника (по правилам аккадского языка в последовательности из трех кратких слогов гласный второго слога подвергается синкопе: *sa-ga-lu > *saglu*)⁶³. В свою очередь, гласный /ā/ в слове *paḥāru* отражает долгий гласный шум. *baḥar* (/baḥār/).

⁵³ Необходимо, впрочем, отметить, что не всегда для передачи гласного /e/ используется специальный знак. Нередко один знак совмещает чтения C_i и C_e (например, знак NI используется для передачи слогов /ni/ и /ne/). Отметим также, что в случае со знаками структуры гласный-согласный (VC) гласные /i/ и /e/ различаются на письме крайне редко. Так, в зависимости от контекста знак TUM может быть прочитан как *ib₂* или *eb₂*, знак IM – как *im* или *em* и т.д.

⁵⁴ См. Jagersma 2010, 56–57.

⁵⁵ См., в частности, слоговую запись *i-ka-rum* (Frayne 1990, 51:5).

⁵⁶ См. запись шумерского слова как *ge-e-en₆* в Falkenstein 1956, Nr. 145:9’.

⁵⁷ По всей видимости, из акк. *bēlūtu* ‘правление’ (см. Powell 1972, 210, n. 128; Steinkeller 1987, 58).

⁵⁸ О форме аккадского слова см. *SLOB* 178, n. 409.

⁵⁹ См. Edzard 2003a, 8–9, 13–14; Jagersma 2010, 56–57; Kaneva, Koslova, Vizirova 2010, 39–40.

⁶⁰ Шумерский этимон состоит из *sa* ‘жила’ и *gal* ‘большой’ (см. *SLOB* No. 567).

⁶¹ *SLOB* No. 547. См. следующие плепе-написания *pa-ḥa-a-rum* (*MSL* 16, 295:284); *pa-ḥa-a-[ri]* (*MSL* 10, 67 vi 6f.); *pa-ḥa-a-ri* (*BWL* 194:18).

⁶² См. также следующие заимствования, восходящие к шумерским словам, в состав которых входит слово *gal*: *tarlugallu* ‘турач’ < *dar-lugal* (*SLOB* No. 133); *ēkallu* ‘дворец’ < *e₂-gal* (*SLOB* No. 163); *ḥargallu* ‘замок’ < *ḥar-gal* (*SLOB* No. 314); *nargallu* ‘старший певчий’ < *nar-gal* (*SLOB* No. 501); *ušumgallu* ‘дракон’ < *ušum-gal* (*SLOB* No. 540); *šuškallu* ‘сеть’ < *šu₂-uš-gal* (*SLOB* No. 637).

⁶³ Следует отметить, что аналогичным образом ведут себя и заимствования, восходящие к односложным шумерским лексемам. См., например, *pūru* ‘чаша’ < *bur* (/būr/) и *tuppu* ‘табличка’ < *dub* (/dūb/). В случае со словами типа *tuppu* (дополнительные примеры см. в Edzard 2003a, 13; Jagersma 2010, 56) объяснить удвоение конечного согласного

Непосредственно в шумерских текстах долгота гласного передается на письме лишь sporadически (посредством *plene*-написаний) и только начиная с новошумерского периода (II династия Лагаша, III династия Ура, конец XXII–XXI вв.)⁶⁴. Кроме того, долгота гласных никак не отмечается в лексических списках⁶⁵. В связи с этим в настоящее время наличие долгого гласного можно сколько-нибудь уверенно предполагать лишь для крайне ограниченного круга лексем и грамматических морфем⁶⁶.

Остается неясным, как описанная выше четырехчленная система соотносится с пятичленной системой гласных (/i/, /e/, /a/, /o/, /u/), выводимой на основании данных лексических списков из старовавилонского Ниппура (см. первую часть настоящей статьи). До сих пор не удалось доказать существование фонемы /o/ в формах шумерского языка III тыс. По-видимому, эта фонема не входила в инвентарь гласных фонем шумерского языка в эпоху, когда складывался слоговой компонент клинописного письма (начало III тыс.). Можно предположить, что мы имеем дело с фонетическим сдвигом, произошедшим в шумерском языке (или только внутри его северного диалекта) к концу III тыс. Источником фонемы /o/, по всей вероятности, является (краткий или долгий) гласный /u/, в определенных случаях перешедший в /o/. Однако на современном уровне знаний определить фонетический контекст, обусловивший сдвиг /u/ > /o/, не представляется возможным.

* * *

Перейдем теперь к вопросу о стратификации шумерских заимствований в аккадском. Прежде всего необходимо отметить, что подавляющее большинство шумеризмов не засвидетельствовано ранее старовавилонского периода (XX–XVII вв.)⁶⁷. Это связано с тем, что только с этого периода в распоряжении исследователя оказывается значительное число текстов на аккадском языке, представляющих самые разные типы месопотамских письменных источников (литературные тексты, сборники гаданий, своды законов, письма и др.). Между тем к началу старовавилонского периода шумерский язык, по-видимому, выходит из разговорного употребления⁶⁸. Соответственно, основная масса шумерских заимствований должна была

представляться затруднительным. С осторожностью можно предположить, что аккадский язык избегал двухгласных основ с кратким гласным (CVC-; аккадские слова такой структуры крайне малочисленны, см. *GAG* § 54i–j).

⁶⁴ См. Jagersma 2010, 25–26.

⁶⁵ В редких случаях долгота гласного эксплицитно передается в шумерских текстах, записанных слоговой орфографией, см., например, слоговую передачу слова **huš-saĝ** (часть корабля) как **hu-ša-a-an** в *MDP* 18, 56 rev. 3.

⁶⁶ См., в частности, Jagersma 2010, 106–109 (суффикс /enē/); 385 (префикс /nnē/); 389–390 (префикс /mē/); 521 (префикс /u/).

⁶⁷ Число шумеризмов, известных по источникам III тыс., крайне невелико. Так, в своем исследовании Либерман насчитывает всего четыре шумерских заимствования, которые встречаются исключительно в староаккадских текстах (*SLOB*, 2).

⁶⁸ Вплоть до недавнего времени большинство исследователей полагало, что шумерский язык перестал быть разговорным уже к началу III династии Ура. Однако в работах последних лет было показано, что шумерский сохранял статус разговорного языка вплоть до падения III династии Ура (рубеж XXI и XX в.). См. прежде всего Sallaberger 2004; Jagersma 2010, 9–10.

попасть в аккадский язык в предшествующие эпохи (исключение составляют «ученые» шумеризмы, подробнее о которых см. ниже).

Шумерские заимствования можно разделить на две обширные группы. В основе деления лежат различия в соответствиях между фонемами шумерского и аккадского языков. Эти различия обусловлены диахроническими изменениями, произошедшими в фонетике шумерского и аккадского языков к концу III тыс. Таким образом, слова из этих двух групп соотносятся между собой как более ранние и более поздние шумеризмы⁶⁹.

Для ранних шумеризмов характерны следующие фонетические соответствия: шум. /b/ ~ акк. /p/; шум. /d/ ~ акк. /t/; шум. /g/ ~ акк. /k/; шум. /s/ ~ акк. /š/; шум. /z/ ~ акк. /s/; шум. /ř/ ~ акк. /s/⁷⁰; шум. /e/ ~ акк. /i/. См., в частности, *palû* ‘правление’ < *bala* (*SLOB* No. 80); *kitû* ‘лен’ < *gada* (< */gida/, см. *SLOB* No. 236); *šangû* ‘управляющий’ < *saġġa* (*SLOB* No. 571); (*i*)*simmannû* ‘дорожная провизия’ < *zi₃-munu₄* (< */izid-manu/, см. *SLOB* No. 369); *usāpu* (вид птицы) < /uřabu/ (*SLOB* No. 538); *ikkaru* ‘пахарь’ < *engar* (*SLOB* No. 360).

Поздним заимствованиям из шумерского присущи следующие соответствия: шум. /b/ ~ акк. /b/; шум. /d/ ~ акк. /d/, /t/; шум. /g/ ~ акк. /g/, /q/; шум. /s/ ~ акк. /s/; шум. /z/ ~ акк. /z/, /š/; шум. /e/ ~ акк. /e/. См., в частности, *belludû* ‘обряд’ < /be(l)luda/ (*SLOB* No. 99; см. также выше, прим. 57); *igisû* (вид налога) < *igi-sa₂* (*SLOB* No. 352); *zammukku* ‘начало года’, ‘новогоднее торжество’ < *za₃-mu(k)* (*SLOB* No. 706); *luřtu* ‘чаша’ < (*u*)*lud* (*SLOB* No. 536); *girseqqû* ‘служаший’ < *ġiri₃-se₃-ga* (отсутствует в *SLOB*); *engiřu* ‘повар’ < *engiz* (*SLOB* No. 175).

Одна из наиболее важных диагностических черт, отличающих ранние заимствования от поздних, заключается в характере передачи шумерских «звонких» смычных согласных. Как было отмечено выше, на ранних этапах истории шумерского языка фонемы, традиционно обозначаемые в ассириологии как /b/, /d/, /g/, вероятно, произносились как глухие [p], [t], [k]. Озвончение этих фонем, очевидно, произошло в эпоху III династии Ура (см. ниже), при этом глухое произношение сохранялось в ауслауте, а также в кластере, состоящем из двух глухих согласных (в том числе /b/, /d/, /g/)⁷¹. По-видимому, параллельно этому процессу произошел переход шум. /p/, /t/, /k/ в глухие [p], [t], [k] (исконное произношение этих фонем остается неясным, см. выше)⁷². Данные орфографии позволяют отнести эти два фонетических сдвига к эпохе III династии Ура (XXI в.). С этого периода для передачи аккадских глухих и звонких фонем постепенно начинают использоваться разные серии знаков⁷³. Так, знак TA в 43 случаях употребляется для записи слога /ta/ и лишь в трех случаях — для /da/; знак TU

⁶⁹ См. уже Falkenstein 1934, 153; Soden 1947, 72; Gelb 1961, 32, 34.

⁷⁰ Шумерский язык утратил фонему /ř/ к началу эпохи III династии Ура (см. Jagersma 2010, 44). Соответственно, шумеризмы, в которых шум. /ř/ отражается как акк. /s/, должны были попасть в аккадский язык до этого времени.

⁷¹ См. Jagersma 2010, 37–38.

⁷² См., в частности, Gelb 1961, 33–34. Иная точка зрения представлена в грамматике Ягерсмы (Jagersma 2010, 34–36). По его мнению, шум. /p/, /t/, /k/ сохранили свое исконное (по мнению Ягерсмы, придыхательное) произношение, в то время как акк. /p/, /t/, /k/ перешли в придыхательные [p^h], [t^h], [k^h].

⁷³ См. Keetman 2004.

в 290 случаях — для /tu/ и лишь в пяти — для /du/; знак DU в 61 случае — для /du/ и в 18 — для /tu/⁷⁴.

Важно отметить, что некоторые шумеризмы демонстрируют смешанное отражение шумерских «звонких» смычных согласных. См., например, *pappardalû* ‘(камень с) одной белой полосой’ < **babbar-dele** (< */babbar-dale/, см. *SLOB* No. 91); *tarlugallu* ‘турач’ < **dar-lugal** (*SLOB* No. 133). Этот вопрос нуждается в систематическом исследовании.

Передача шумерских смычных посредством аккадских «эмфатических» согласных с трудом поддается объяснению⁷⁵. Обращает на себя внимание, что речь главным образом идет об отражении согласного в ауслaute шумерского слова-источника.

Другие признаки, отличающие поздние заимствования от ранних, объясняются фонетическими сдвигами, произошедшими внутри аккадского языка. Как отмечалось выше, в III тыс. аккадская фонема /š/, вероятно, произносилась как [s]. Ее переход в [ʃ], по всей вероятности, завершился к началу старовавилонской эпохи (см. прим. 19). Этим переходом обусловлено соответствие шум. /s/ ~ акк. /š/, характеризующее ранние шумеризмы в аккадском. Утратой аккадской фонемой /s/ (раннеакк. [ts]) аффрикативной артикуляции объясняется соответствие шум. /z/ [ts] ~ акк. [s]⁷⁶.

Отдельно необходимо упомянуть поздние искусственные шумеризмы. После того как шумерский язык перестал быть разговорным (ок. XX в.), он сохранял в Месопотамии статус языка культуры вплоть до угасания клинописной традиции на рубеже эр. На протяжении этого времени писцы продолжали заимствовать слова шумерского языка (в том числе образованные искусственным путем). Эти «ученые» шумеризмы характеризуются тем же набором соответствий, что и поздние заимствования из шумерского, и представляют собой довольно многочисленную группу. Мы относим сюда слова, известные исключительно по текстам, входящим в русло писцовой традиции (прежде всего лексические списки и двуязычные тексты). Следует признать, что провести грань между поздними заимствованиями, восходящими к разговорному шумерскому языку, и «учеными» шумеризмами не всегда возможно⁷⁷.

В продолжение настоящей работы мы надеемся опубликовать статью, в которой на примере нескольких конкретных лексем будут детально разобраны трудности, встающие перед исследователем при изучении шумеризмов в аккадском.

⁷⁴ Подсчеты сделаны Я. Кетманом на основании составленного М. Хильгертом списка знаков, которые используются для передачи аккадских лексем (прежде всего в составе имен собственных) в текстах эпохи III династии Ура (Hilgert 2002, 622–681).

⁷⁵ Ср. Jagersma 2010, 37–38.

⁷⁶ Этот фонетический сдвиг, по-видимому, приходится на начало II тыс. и характеризует только северную разновидность старовавилонского диалекта аккадского языка (см. Kogan 2011, 87–88).

⁷⁷ Например, термин *basû* ‘квадратный/кубический корень’ < **ba-si/si₈** (*SLOB* No. 98; Attinger 2008), встречающийся только в математических текстах (начиная со старовавилонского периода), равно может быть причислен как к одной, так и к другой категории.

Литература / References

- Archi, A. 1987: The 'sign-list' from Ebla. In: C.H. Gordon, G.A. Rendsburg, N. Winter (eds.), *Eblaïtica: Essays on the Ebla Archives and Eblaïte Language*. Vol. 1. Winona Lake, 91–113.
- Attinger, P. 2008: Racines carrées et racines cubiques. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 98/1, 12–19.
- Bauer, J. 1975: Zum /dr/-Phonem des Sumerischen. *Die Welt des Orients* 8, 1–9.
- Beaulieu, P.-A. 2002: Eanna = Ayakkum in the Basetki inscription of Narām-Sîn. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 2, 37–40.
- Butts, A.M. 2013: A note on *hbrk b'l* in the Phoenician inscription from Karatepe. *MAARAV: A Journal for the Study of the Northwest Semitic Languages and Literatures* 20.2, 189–198.
- Catagnoli, A. 2012: *La grammatica della lingua di Ebla*. (Quaderni di Semitistica, 29). Firenze.
- Cavigneaux, A. 1998: É.AN.NA et le génitif sumérien. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 75/3, 76.
- Civil, M. 1973: The Sumerian writing system: Some problems. *Orientalia Nova Series* 42, 21–34.
- Civil, M. 1976: Notes on Sumerian lexicography III. *Journal of Cuneiform Studies* 28/3, 183–187.
- Civil, M. 1982: Studies on Early Dynastic lexicography, I. *Oriens antiquus* 21, 3–26.
- Civil, M. 1983: The Sign LAK 384. *Orientalia Nova Series* 52/2, 233–240.
- Civil, M. 2010: *The Lexical Texts in the Schøyen Collection*. (CUSAS, 12). Bethesda.
- Conti, G. 1990: *Miscellanea Eblaïtica*. Vol. 3. *Il sillabario della quarta fonte della lista lessicale bilingue eblaïta*. (Quaderni di Semitistica, 17). Firenze.
- Edzard, D.O. 1970: Die bukānum-Formel der altbabylonischen Kaufverträge und ihre sumerische Entsprechung. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 60/1, 8–53.
- Edzard, D.O. 2003a: *Sumerian Grammar*. Leiden–Boston.
- Edzard, D.O. 2003b: Enlil, Vater der Götter. In: P. Marrassini (ed.), *Semitic and Assyriological Studies Presented to Pelio Fronzaroli by Pupils and Colleagues*. Wiesbaden, 173–184.
- Edzard, D.O. 2005: Sumerian one to one hundred twenty revisited. In: Y. Sefati et al. (eds.), *'An Experienced Scribe Who Neglects Nothing': Ancient Near Eastern Studies in Honor of Jacob Klein*. Bethesda, 98–107.
- Falkenstein, A. 1934: *iššakku*. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 42, 152–154.
- Falkenstein, A. 1956: *Die neusumerischen Gerichtsurkunden. Zweiter Teil: Umschrift, Übersetzung und Kommentar*. München.
- Frayne, D.R. 1990: *Old Babylonian Period (2003–1595 B.C.)*. (The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. Vol. 4). Toronto.
- Frayne, D.R. 1993: *Sargonic and Gutians Periods (2334–2113)*. (The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. Vol. 2). Toronto.
- Gelb, I.J. 1955: *Old Akkadian Inscriptions in Chicago Natural History Museum: Texts of Legal and Business Interest*. Chicago.
- Gelb, I.J. 1961: *Old Akkadian Writing and Grammar*. 2nd ed., revised and enlarged. Chicago.
- Hasselbach, R. 2005: *Sargonic Akkadian: A Historical and Comparative Study of the Syllabic Texts*. Wiesbaden.
- Hilgert, M. 2002: *Akkadisch in der Ur III-Zeit*. (IMGULA, 5). Münster.
- Jagersma, B. 2005: Sound change in Sumerian: The so-called /dr/-phoneme. *Acta Sumerologica* 22, 81–87.
- Jagersma, B. 2010: *A Descriptive Grammar of Sumerian*. Ph D. Diss. Leiden University.
- Kaneva, I.T., Koslova, N.V., Vizirova, E. Yu. 2010: [The Sumerian language]. In: N.N. Kazanskiy, A.A. Kibrik, Yu.B. Koryakov (eds.), *Yazyki mira: Drevnie reliktovyje yazyki Peredney Azii [Languages of the World: Ancient Relict Languages of the Near East]*. Moscow, 19–95.
- Канева, И.Т., Козлова, Н.В., Визирова, Е.Ю. Шумерский язык. В кн.: Н.Н. Казанский, А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков (ред.), *Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии*. М., 19–95.
- Keetman, J. 2004: Erneuerung des Syllabars im Ur III-Akkadischen: Schriftreform oder Sprachwandel? *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 94/2, 186–201.
- Keetman, J. 2006: Gab es ein *h* im Sumerischen? *Babel und Bibel* 3, 9–30.
- Keetman, J. 2016: Zur Schreibung des Wortes idigna “Tigris” und der Möglichen Bedeutung “Reherfluss”. *Bibliotheca Orientalis* 73/1–2, 7–12.
- Kienast, B., Volk, K. 1995: *Die sumerischen und akkadischen Briefe des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur*. (Freiburger altorientalische Studien, 19). Stuttgart.

- Kogan, L.E. 2009: [The Semitic languages]. In: A.G. Belova, L.E. Kogan, S.V. Lezov, O.I. Romanova (eds.), *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow, 15–112.
- Коган, Л.Е. Семитские языки. В кн.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лезов, О.И. Романова (ред.), *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie yazyki*. М., 15–112.
- Kogan, L. 2011: Proto-Semitic phonetics and phonology. In: S. Wenginger (ed.), *The Semitic Languages: An International Handbook*. (HSK, 36). Berlin–Boston, 54–151.
- Kogan, L. 2012: Les noms de plantes akkadiens dans leur contexte sémitique. In: R. Hasselbach, N. Pat-El (eds.), *Language and Nature: Papers Presented to John Huehnergard on the Occasion of His 60th Birthday*. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 67). Chicago, 229–267.
- Kogan, L. 2015: *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Berlin–Boston.
- Kogan, L., Krebernik, M. (forthcoming): A history of the Akkadian lexicon. In: J.-P. Vita (ed.), *A History of the Akkadian Language*. Leiden–Boston.
- Kogan, L.E., Loesov, S.V. 2009: [The Akkadian language]. In: A.G. Belova, L.E. Kogan, S.V. Lezov, O.I. Romanova (eds.), *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki*. [Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow, 113–178.
- Коган, Л.Е., Лёзов, С.В. Аккадский язык. В кн.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лезов, О.И. Романова (ред.), *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie yazyki*. М., 113–178.
- Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. (Languages of the Ancient Near East, 2). Winona Lake.
- Krebernik, M. 1982: Zu Syllabar und Orthographie der lexikalischen Texte aus Ebla. Teil I. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 72/2, 178–236.
- Krebernik, M. 1984: *hbrk b^l* in den phön. Karatepe-Inschriften und *à-ba-ra-gú* in Ebla. *Die Welt des Orients* 15, 89–92.
- Krebernik, M. 1985: Zur Entwicklung der Keilschrift im III. Jahrtausend anhand der Texte aus Ebla. Ein Vergleich zwischen altakkadischem und eblaitischem Schriftsystem. *Archiv für Orientforschung* 32, 53–59.
- Krecher, J. 1978: Das sumerische Phonem /ǵ/. In: B. Hruška, G. Komoróczy (Hrsgg.), *Festschrift Lubor Matouš*. Vol. 2. (Assyriologia, 4–5). Budapest, 7–73.
- Lieberman, S.J. 1979: The phoneme /o/ in Sumerian. In: M.A. Powell, Jr., R.H. Sack (eds.), *Studies in Honor of Tom B. Jones*. (AOAT, 203). Neukirchen-Vluyn, 21–28.
- Meyer-Laurin, V. 2011: Die “Zeichenpaare” im sargonischen Akkadisch aus sumerologischer Sicht. (2. Teil). *Die Welt des Orients* 41/2, 201–236.
- Powell, M.A., Jr. 1972: Sumerian area measures and the alleged decimal substratum. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 62/2, 165–221.
- Powell, M.A., Jr. 1973: *Sumerian Numeration and Metrology*. Ph D. Diss. University of Minnesota.
- Powell, M.A., Jr. 1994: *Metron Ariston: Measure as a tool for studying beer in ancient Mesopotamia*. In: L. Milano (ed.), *Drinking in Ancient Societies: History and Culture of Drinks in the Ancient Near East. Papers of a Symposium held in Rome, May 17–19, 1990*. Padova, 91–119.
- Richter, T. 2012: *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden.
- Rubio, G. 1999: On the alleged ‘pre-Sumerian substratum’. *Journal of Cuneiform Studies* 51, 1–16.
- Rubio, G. 2017: Sumerian temples and arabian horses: On Sumerian *e₂-gal*. In: L. Feliu, F. Karahashi, G. Rubio (eds.), *The First Ninety Years: A Sumerian Celebration in Honor of Miguel Civil*. (SANER, 12). Berlin–Boston, 284–299.
- Sallaberger, W. 2004: Das Ende des Sumerischen: Tod und Nachleben einer altmesopotamischen Sprache. In: P. Schrijver, P.-A. Mumm (Hrsgg.), *Sprachtod und Sprachgeburt*. Bremen, 108–140.
- Sallaberger, W. 2011: Sumerian Language use at Garšana: On orthography, grammar, and Akkado-Sumerian bilingualism. In: D.I. Owen (ed.), *Garšana Studies*. (CUSAS, 6). Bethesda, 335–372.
- Schretter, M.K. 1990: *Emesal-Studien: Sprach- und literaturgeschichtliche Untersuchungen zur sogenannten Frauensprache des Sumerischen*. (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Sonderheft, 69). Innsbruck.
- Soden, W. von 1947: Zum akkadischen Wörterbuch. 6–14. *Orientalia Nova Series* 16/1, 66–84.
- Soldt, W.H. van 1991: *Studies in the Akkadian of Ugarit: Dating and Grammar*. (Alter Orient und Altes Testament, 40). Neukirchen-Vluyn.
- Steinkeller, P. 1987: [Rev.] The Sumerian Dictionary of the University of Pennsylvania. Vol. 2 B. Edited by Åke W. Sjöberg. *Journal of Near Eastern Studies* 46, 55–59.

- Steinkeller, P. 1990: The value sur_x of ÉREN in third millennium sources. *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires* 12, 9–10.
- Streck, M.P. 2000: *Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit*. (Alter Orient und Altes Testament, 271/1). Münster.
- Streck, M.P. 2006: Sibilants in the Old Babylonian texts of Hammurapi and of the governors in Qaṭṭunān. In: G. Deutscher, N.J.C. Kouwenberg (eds.), *The Akkadian Language in Its Semitic Context: Studies in the Akkadian of the Third and Second Millennium BC*. (PIHANS, 106). Leiden, 215–251.
- Wegner, I. 2007: *Eine Einführung in die hurritische Sprache*. 2., überarbeitete Aufl. Wiesbaden.
- Westenholz, A. 1975: *Old Sumerian and Old Akkadian Texts in Philadelphia, Chiefly from Nippur*. Vol. 1: *Literary and Lexical Texts and the Earliest Administrative Documents from Nippur*. (Bibliotheca Mesopotamica, 1). Malibu.
- Westenholz, A. 1978: Some notes on the orthography and grammar of the recently published texts from Mari. *Bibliotheca Orientalis* 35, 160–169.
- Westenholz, A. 1991: The phoneme /o/ in Akkadian. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 81/1–2, 10–19.
- Westenholz, A. 2002: The Sumerian city-state. In: M.H. Hansen (ed.), *A Comparative Study of Six City-State Cultures*. Copenhagen, 23–42.